

УДК 316.643

DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-70-86

ЭМОЦИОНАЛЬНО-УСТАНОВОЧНАЯ МОДЕЛЬ ВИНЫ И ЕЁ СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ

Горбатовская Ю. В.

Центр психологической и логопедической помощи «Гармония»

194156, г. Санкт-Петербург, ул. Манчестерская, д. 2, каб. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Разработка и обоснование эмоционально-установочной модели вины, её структурно-содержательного наполнения и социального проявления.

Процедура и методы. В методологическую основу исследования заложен категориально-системный подход, определяющий необходимость реализации качественного моделирования, а именно – использование морфологического метода моделирования. Данный научный метод позволил, опираясь на уже имеющиеся знания в исследуемой области, прийти к принципиально новому решению научной проблемы. Построение и структурно-содержательное наполнение эмоционально-установочной модели вины посредством морфологического метода моделирования стало возможным благодаря тому, что ранее нами в рамках категориально-системного подхода были реализованы формально-логический метод определения понятий, а также логико-методологическая процедура экстраполяции понятий из одной научной области в другую. Это позволило обеспечить транспарентность в процедуре определения понятий и ввести в предметное поле научно обоснованные определения понятий, выражающие эвристические результаты работы.

Результаты. Разработана новая модель понимания вины, которая позволяет преодолеть имеющиеся на сегодняшний день в психологической науке методологические и теоретические ограничения в её исследовании.

Теоретическая и/или практическая значимость. Эмоционально-установочная модель вины открывает возможность для дальнейшего её операционализирования и изучения её взаимосвязи с другими элементами диспозиционной системы личности. Кроме того, полученный научный результат позволяет психологам-практикам более осознанно и системно оказывать клиентам профессиональную помощь в преодолении у них чувства вины, грамотно подбирая практические методы и приёмы работы из имеющегося у них арсенала.

Ключевые слова: вина, диспозиция, нравственное сознание личности, совесть, социальная установка, стыд, эмоционально-установочная модель вины

THE EMOTIONAL-INSTALLATION MODEL OF GUILT AND ITS STRUCTURAL AND MEANINGFUL CONTENT AND SOCIAL MANIFESTATION

Y. Gorbatovskaya

Center of psychological and speech therapy help "Harmony"

194156, Manchesterskaya St., 2, office 9, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

Aim. Development and substantiation of an emotional-installation model of guilt, its structural and meaningful content and social manifestation.

Methodology. The methodological basis of the study is based on a categorical-systematic approach that determines the need for the implementation of qualitative modeling, namely the use of a morphological modeling method. This scientific method allowed, based on the already existing knowledge in the field under study, to come to a fundamentally new solution to the scientific problem. The construction and structural and meaningful filling of the emotional-installation model of guilt through the morphological modeling method became possible due to the fact that earlier, within the framework of the categorical-systematic approach, we implemented a formal logical method for defining concepts, as well as a logical and methodological procedure for extrapolating concepts from one scientific field to another. This made it possible to ensure transparency in the procedure for defining concepts and to introduce scientifically sound definitions of concepts into the subject field, expressing heuristic results of the work.

Results. A new model of understanding guilt has been developed, which makes it possible to overcome the methodological and theoretical limitations currently available in psychological science in its study.

Research implications. The emotional-installation model of guilt opens up the possibility for its further operationalization and the study of its relationship with other elements of the dispositional system of personality. In addition, the obtained scientific result allows practicing psychologists to more consciously and systematically provide professional assistance to clients in overcoming their feelings of guilt, competently selecting practical methods and techniques of work from their existing arsenal.

Keywords: guilt, disposition, moral consciousness of the individual, conscience, social attitude, shame, emotional-installation model of guilt

Введение

Оказывая профессиональную психологическую помощь клиентам, специалисты часто сталкиваются с запросом на избавление от чувства вины и/или стыда перед другими или перед собой. Клиенты на житейском уровне предполагают, что именно чувство вины мешает им реализовывать себя в обществе в полной мере и тем самым снижает качество их жизни. Обращаясь к специалисту с подобным

запросом, они ждут от психолога чёткого и внятного ответа, так ли это, а также конкретных предложений по преодолению обозначенной ими психологической проблемы. Таким образом, существует отчётливый социальный запрос на научно-практическую разработку данного направления исследования.

Однако критический анализ психологической литературы по проблеме исследования показал, что на сегодня

нышний день психологическая наука не располагает системными научными представлениями о психологическом феномене вины, что не позволяет в полной мере оценить её место и роль в самосознании личности и в межличностном взаимодействии. В связи с чем перед нами встала задача по преодолению выявленного «разрыва» между теоретической разработанностью данной проблемы и практическим запросом на её решение со стороны населения. С методологической точки зрения данную задачу оказалось возможным решить с позиции категориально-системного подхода, поскольку именно он выступает в качестве концептуальной и понятийной базы для систематизации различных психологических теорий.

Суть данного исследовательского подхода заключается в дедуктивном принципе познания – познания от общего к частному, при котором отыскивается интегральная категория исследуемого объекта (общее), являющаяся источником других категорий и основных понятий психологии (частное). В данном исследовании интегральной категорией выступает категория вины, изучение которой методами категориально-системного подхода позволило ввести в научный оборот такие понятия, как «санкционная вина» и «реституционная вина», а также экстраполировать и адаптировать к нуждам психологической науки и практики такие понятия, как «презумпция невиновности», «презумпция виновности» и «презумпция ответственности», расширив тем самым тезаурус психологической науки в данном проблемном поле. Таким образом, перечисленные категории и понятия

благодаря морфологическому методу моделирования легли в основу структурно-содержательного наполнения эмоционально-установочной модели и смогли отразить механизмы её социального проявления.

Феномен вины в ракурсе категориально-системного подхода

В ходе междисциплинарного анализа публикаций, посвящённых исследованию феномена вины, было выявлено, что в настоящий момент существуют разногласия по поводу соотношения понятий совести, стыда, вины и долга. Это определило необходимость расширения проблемного поля до границ изучения вопросов нравственности и морально-нравственного развития человека. Таким образом, нами был реализован дедуктивный способ познания феномена вины, характерный для категориально-системного методологического подхода.

Результатом нашего научного поиска в данном проблемном поле стала разработанная нами модель развития нравственного сознания личности, в которой, в отличие от структурно-функциональной модели совести, предложенной С. В. Стекланниковой [13], место категории отводится понятию долга, причём понятию уточнённого. В то время как понятия совести, стыда и вины состоят в родовидовых отношениях, с категорией долга [5, с. 193].

При этом понятия «стыд» и «совесть» являются результатом интериоризации личностью долга как совокупности требований общественной морали, а понятие «вина» выступает в качестве внешнего проявления / выра-

жения стыда как результата неполной / искажённой интериоризации долга и совести как венца успешно пройденной интериоризации объективного долга, некоего субъективного долга. В статье, посвящённой описанию модели нравственного развития сознания личности, с опорой на формально-логический метод определения понятий [4] нами было предложено ввести в научный оборот такие понятия, как:

– «презумпция невиновности» как установка самооправдания, отражающая факт отсутствия в сознании личности как стыда, так и совести и характеризующаяся отсутствием самокритики даже при наличии объективных фактов неблагоприятных поступков;

– «презумпция виновности» – установка самобичевания, а именно отрицательное восприятие себя как не соответствующего предъявляемому извне объективному долгу, которая выражается в чувстве стыда и проявляется в дезадаптивной форме вины. Данную

форму вины мы предлагаем обозначить термином «санкционная вина»;

– «презумпция ответственности» – установка разумной ответственности, а именно восприятие себя как зрелой личности, готовой нести ответственность за себя перед собой. Анализ работы Э. Фромма «Человек для себя: исследование психологических проблем этики» [16] привёл нас к мысли о том, что ответственность является неотъемлемым свойством совести, а готовность нести эту ответственность можно выразить термином «реституционная вина» – адаптивная форма вины, направленная на возмещение причинённого ущерба, как некий «акт направленной справедливости»¹.

Поскольку в исследовании были использованы материалы зарубежных и отечественных учёных, необходимо во избежание путаницы в понятиях указать на кросскультуральные различия в определении понятий стыда, совести и вины (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Кросскультуральные различия в определении понятий стыда, совести и вины / Cross-cultural differences in the definition of shame, conscience and guilt

Исследуемое понятие	Аналоги понятия
Стыд	авторитарная совесть (Э. Фромм), сверх-Я (З. Фрейд), вина-состояние (К. Кутлер)
Совесть	гуманистическая совесть (Э. Фромм), моральный стыд (Э. Тугендхат), онтологическая вина (Р. Мэй, Д. В. Морано), моральные нормы (К. Кутлер)
Вина	вина-черта (К. Кутлер)
– санкционная вина	иррациональная межличностная вина (Коннор)
– реституционная вина	интернальность (Дж. Роттер), ассертивность (Э. Сэлтер), тревога совести (З. Фрейд)

Источник: данные автора.

¹ Аквинский Ф. Сумма теологий. Том VIII. Вопрос 62. О воздаянии [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-8/16> (дата обращения: 16.02.2023).

Феномен вины в ракурсе социально-установочного подхода

Вина как психологический феномен, реализующий функцию регуляции социального поведения людей в общественных отношениях, заслуживает того, чтобы рассмотреть её в ракурсе социально-установочного подхода к исследованию саморегуляции социального поведения личности. Данный подход в наиболее полной мере раскрывается в теории отношений личности В. Н. Мясищева, разрабатываемой им в рамках решения проблемы целостной личности. Напомним, что суть его теории заключается в том, что личность есть система психологических отношений человека к окружающему миру и к самому себе. Она выражает внутренний опыт человека, накопленный им в контексте общественных отношений, и определяет его действия и переживания.

Анализируя позиции теории отношений В. Н. Мясищева, Б. Ф. Ломов отмечал, что автор разработал психологическую концепцию субъективных отношений личности, в которой понятие «субъективные отношения личности» содержательно близко к понятиям «установка», «личностный смысл» и «аттитюд». Б. Ф. Ломов подметил, что понятие «установка» раскрывает интегральный характер субъективно-личностных отношений, понятие «личностный смысл» отражает их связь с общественно-выработанными значениями, а понятие «аттитюд» отражает их субъективность. Таким образом, он пришёл к выводу, что понятие «субъективные отношения личности» является по отношению к вышеперечисленным понятиям родовым [цит. по: 6, с. 128].

Продолжая идею В. Н. Мясищева об избирательности и системности психологических отношений субъекта, Д. Н. Узнадзе указывал на то, что системность данных отношений определяется наличием у субъекта системы фиксированных вторичных установок (первичные установки регулируют непосредственное поведение личности), которые сформировались при неоднократном «столкновении» потребности и ситуации её насыщения [17]. Таким образом, согласно Д. Н. Узнадзе, установка – это «опосредующее образование между влиянием среды и психическими процессами, которое объясняет поведение человека, его эмоциональные и волевые процессы: т. е. выступает детерминантом любой активности организма» [цит. по: 6, с. 64].

В своей монографии, посвящённой изучению социально установки в психологии, А. А. Девяткин в идеях Д. Н. Узнадзе обнаружил обоснования для разработки экологической концепции социальной установки. В рамках данной концепции он предпринял попытку объединить теорию установки и теорию аттитюда. Согласно идеям А. А. Девяткина, установка, обладая имманентным свойством оценки возможностей окружающего мира, является экологическим механизмом психики и опредмечивается через механизм интенциональности [6].

Это механизм того явления, которое А. Н. Леонтьев в работах, направленных на анализ деятельности человека, называл «личностным смыслом», выражающим факт «пристрастности человеческого сознания» [8]. В последующем А. Г. Асмолов предпринял попытку интерпретации концепции социальных установок с позиции тео-

рии деятельности. В своих заметках к диссертации А. Г. Асмолова «О месте установки в структуре деятельности» А. Н. Леонтьев указывал на то, что данная работа несёт «скорее вклад в теорию деятельности, нежели вклад в теорию установки» [9, с. 210]. Он также подчёркивает, что А. Г. Асмолову удалось обогатить понятие установки благодаря развиваемой им гипотезе об уровнях установки, соотносимых с функциональными уровнями процессов деятельности.

Позже мы обратимся к идеям А. Г. Асмолова, а пока отметим, что базовая идея Д. Н. Узнадзе о формировании установки в момент «встречи» потребности и ситуации легла также и в основу диспозиционной концепции регуляции социального поведения В. А. Ядова. В своей теории регуляции социальной активности человека В. А. Ядов основывался на ценностно-установочных ориентациях. Тем не менее, как отмечал Ш. А. Надирашвили, при разработке четырёхуровневой структуры системы регуляции социальной активности личности автор больше склонялся к теории деятельности. Таким образом, В. А. Ядов внёс свой вклад в развитие теории установки сугубо с социологической позиции и оперировал понятием «диспозиция», которое не идентично понятию «установка». Конечно, это несколько не умаляет значения разработанной им диспозиционной концепции, раскрывающей суть социально-установочного подхода к исследованию саморегуляции поведения личности.

Проанализировав 95 отечественных диссертационных исследований, посвящённых психологическому феномену установки, С. А. Башкатов об-

наружил, что «большинство авторов придерживается иерархической уровневой природы установки, предложенной А. Г. Асмоловым» [2, с. 5]. Идеи А. Г. Асмолова примечательны тем, что он предпринял попытку изменить систему отсчёта и перевернуть исходную формулу, определявшую долгое время ход исследований проблемы установки: не деятельность должна выводиться из установки, а установка из деятельности [1].

Согласно А. Г. Асмолову, содержание и функции установок зависят от того, на каком уровне деятельности они функционируют. При этом установки различных уровней имеют свои специфические особенности, находятся между собой в определённых отношениях и вносят свой вклад в регуляцию деятельности. Представим уровни установочной регуляции деятельности личности в таблице 2.

Важно отметить, что выделенные А. Г. Асмоловым уровни установок не являются этажами, механически надстроенными друг над другом. Между установками различных уровней существует подвижный взаимопереход. Так, в случае сдвига мотива на цель смысловая установка превращается в целевую. В случае сдвига условия на цель операциональная установка превращается в целевую. Целевая установка превращается в операциональную тогда, когда теряет свою направляющую функцию – это происходит в тех случаях, когда цель действия становится условием выполнения более сложного действия.

Опираясь на идеи А. Н. Леонтьева, Н. А. Бернштейна и А. С. Прангшвили, автор отводит целевой установке роль интегратора установок смысло-

Таблица 2 / Table 2

Уровни установочной регуляции деятельности личности (по А. Г. Асмолову) /
Levels of institutional regulation of personality activity (according to A. G. Asmolov)

Уровень установки	Источник актуализации	Форма выражения	Функции установки	Свойства
Уровень смысловой установки	Мотив деятельности	Личностный смысл в виде готовности к совершению направленной деятельности	Фильтрует установки низлежащих уровней; реализует процесс целеобразования – возникает целевая установка	Изменяется только при изменении мотивов деятельности, т. е. перевоспитывается
Уровень целевой установки	Цель деятельности	Готовность совершить то, что сообразно стоящей перед человеком цели	Проявляет себя в случае наличия препятствия на пути достижения цели	Переучивается непосредственно под влиянием вербальной информации
Уровень операциональной установки	Условия реализации действий	Готовность к осуществлению определённого способа действий с опорой на прошлый опыт	Вероятностное прогнозирование с учётом «значения» предмета, на который установка возникла	Переучивается непосредственно под влиянием вербальной информации
Уровень психофизиологических механизмов	Психофизиологические механизмы как реализаторы установки в деятельности	Сенсорные и моторные установки	Реализация установок посредством психофизиологического механизма динамического стереотипа	Предшествуют развёртыванию того или иного действия

Источник: данные автора.

вого и операционального уровня – она всегда остаётся актуальной и в ней как бы сфокусированы установки других уровней [1]. Целевые установки сменяют друг друга по мере достижения вызвавших их целей, но они не исчезают бесследно, а продолжают существовать как готовности к повторной актуализации в условиях, «породивших» их. Так, актуальная нефиксированная установка – так называемая «установка на будущее» (первичная установка), переходит в хроническое состояние реализовавшейся установки – «установки на прошлое» (фиксированной установки).

Итак, на каком бы уровне и в каких бы своеобразных формах ни проявлялась установка, её основной функцией является стабилизация движения деятельности. Как отмечает А. Г. Асмолов, исследования уровневой природы установок имеют своё продолжение, например, в поисках методов изменения смысловых установок личности, а также ответов на вопросы взаимосвязи установок и эмоциональной регуляции поведения личности.

Вина как сложное психологическое явление и как регулятор социального поведения личности «заслуживает» того, чтобы быть рассмотренной

в аспекте указанной взаимосвязи, что позволит, на наш взгляд, значительно расширить научные представления о механизме формирования эмоционально-установочной регуляции поведения личности.

Таким образом, проанализировав историю развития социально-установочного подхода к исследованию саморегуляции социального поведения личности, позволим себе для раскрытия полноты различия реституционной и санкционной вины вновь вернуться к теории отношений личности В. Н. Мясищева, обратив особое внимание на эмоциональную сторону отношения, которая, как справедливо отмечал автор, в психологии относится к категории чувств. При этом В. Н. Мясищев призывал учитывать, что область чувств (или эмоций) представлена тремя разнородными группами явлений: эмоциональными реакциями, эмоциональными состояниями и эмоциональными отношениями (то, что обычно называют чувством). Именно эта дифференциация эмоциональной стороны отношения личности к миру и к себе должна быть положена в основу различения реституционной и санкционной вины как сложного содержательного психического образования, включающего в себя когнитивные, эмоциональный и поведенческий аспекты.

Таким образом, мы вынуждены не согласиться с мнением И. А. Белик о том, что адаптивность вины определяется степенью её выраженности [3]. На наш взгляд, определяющее значение для установления характера влияния вины на жизнь человека имеет не только и не столько количественный параметр вины, сколько её структура

и контекст её формирования как сложного психологического образования.

Итак, предпримем попытку, опираясь на имеющиеся исследования феномена вины [15; 20; 22; 19] и установок [1; 2; 6; 9], построить эмоционально-установочную модель вины, а также отразить её структурно-содержательное наполнение и описать особенности социального проявления.

Эмоционально-установочная модель вины

Заявленная модель вины была сформирована на основе социально-установочного подхода, а именно взглядов В. Н. Мясищева на отношения личности с окружающим миром и идеи А. Г. Асмолова об уровневой природе установок как стабилизаторов деятельности личности.

Представим эмоционально-установочную модель понимания вины на рисунке 1.

Из рисунка 1 следует, что в когнитивном аспекте вина как эмоциональная реакция «запускается» осознанием ребёнком своей причастности к какому-либо ущербу, причинённому себе или другому. А далее, в зависимости от характера эмоциональной реакции значимого взрослого, у ребёнка возможно развитие одного из двух сценариев системы фиксированных вторичных установок. Первый сценарий реализуется при возникновении страха наказания и активизации первичной установки на избегание наказания – так формируется санкционная форма вины. Началом же сценария развития реституционной формы вины является «тревога совести» (термин З. Фрейда) как диффузное чувство, что произошедшее важно для значимого

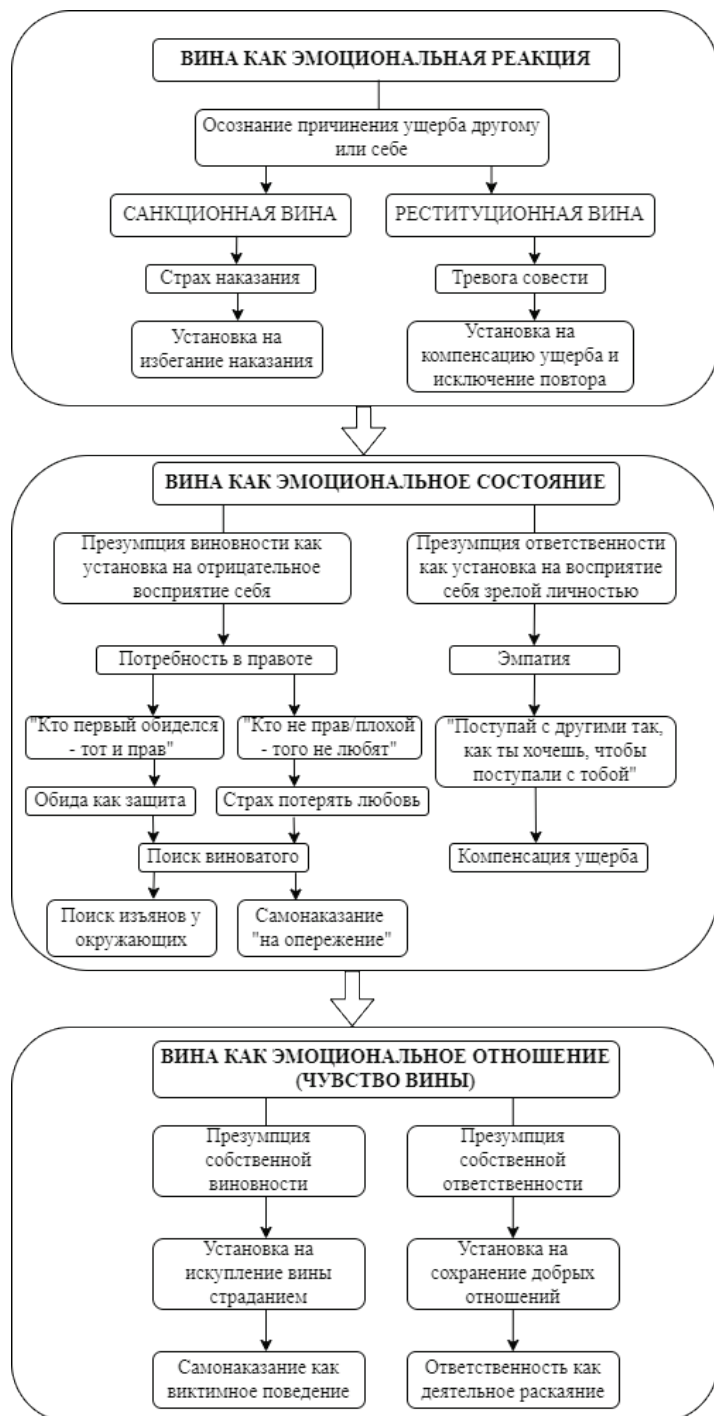

Рис. 1 / Fig. 1. Эмоционально-установочная модель вины / The emotion-installation model of guilt

Источник: данные автора.

взрослого, а значит – важно и вполне справедливо для самого ребёнка, в результате чего у ребёнка активизируется первичная установка на то, чтобы «больше так не делать».

Опираясь на рисунок 1, проследим динамику развития санкционной и реституционной вины, приводящих к окончательному формированию презумпции виновности и презумпции ответственности в сознании человека как системы фиксированных вторичных установок.

Рассмотрим сценарий развития санкционной вины, берущий начало в страхе наказания. Ребёнок, пребывая в страхе наказания и движимый естественным для него инстинктом самосохранения, желает спрятаться, убежать, скрыться от «праведного» гнева значимого взрослого, а заодно от своего стыда. Именно стыд, на наш взгляд, выступает «перекидным мостом» между эмоциональной реакцией и эмоциональным состоянием вины. И теперь ребёнок, скрывшись с «места преступления», в своём укрытии размышляет в контексте презумпции виновности: «Если случилось плохое – значит в этом должен быть кто-то виноват». Подобного рода размышления являются результатом социального научения: если все взрослые, окружающие ребёнка, в случае возникновения каких-либо проблем «бросаются» искать виноватых, то неудивительно, что и ребёнок будет делать то же самое, как только он справился со своим страхом наказания.

И в этот момент своих размышлений он оказывается на перепутье: искать виноватых снаружи или «взять» вину на себя. Это тяжёлый моральный выбор для ребёнка, и он будет зависеть

от многих факторов и обстоятельств. В случае если потребность в правоте «побеждает» страх потерять любовь близкого, ребёнок испытывает «праведную» обиду как защитный механизм от внешних обвинений, развивающийся по сценарию ответных обвинений: «Ты меня ругаешь – значит, ты меня не любишь!». Если в силу педагогической растерянности взрослого эта попытка защитной агрессии увенчается успехом, ребёнок становится «униженным триумфатором» и усваивает операциональную установку: «Кто первый обиделся – тот и прав». В ходе многократного приведения данной установки в действие она переходит в статус целевой установки: «Всё! Я на тебя обиделся!», а далее – в статус смысловой установки – презумпции невиновности, так и не научившись эмпатии, поскольку в данном случае она «вредна» и мешает ребёнку «выгораживать» своё эго. Таким образом, этот ребёнок вырастет эгоистичным беспощадным манипулятором, искренне убеждённым в собственной правоте, сколько бы его ни пытались «виноватить». И одним из действенных способов его манипуляции как раз выступает чувство вины – культивируя чувство вины в другом человеке, манипулятор тем самым не просто защищает себя, но и, как утверждает А. Л. Вангелисти [23], использует чувство вины для контроля над другим. Таким образом, значимый взрослый, пытающийся привить ребёнку вину и тем самым сделать его удобным и послушным, сам попадает в свою собственную «ловушку». Как писал Ф. Рузвельт: «Воспитать человека интеллектуального, но не воспитать его нравственно – значит выра-

тить угрозу для общества» [цит. по: 12, с. 101].

Если же победу одержит страх потерять любовь значимого взрослого, который формируется под воздействием установки: «Тех, кто не прав / плохой, не любят», то тогда ребёнок не только возьмёт на себя вину, но и сам приведёт наказание в действие, дабы опередить карающего взрослого и тем самым попытаться вернуть обратно его любовь. Подобного рода установка может сформироваться, например, тогда, когда взрослый, движимый стремлением наказать ребёнка, говорит ему: «Неси сюда ремень, буду тебя наказывать». Это противоестественно инстинкту самосохранения, это есть психологическое насилие над ребёнком. Особенно если в подобной ситуации задействован кто-то третий (человек или, например, питомец). Движимый любовью к близкому, ребёнок может принять решение «заслонить» его собой и взять вину на себя (операциональная установка), если это как-то облегчит страдания дорогого ему человека (целевая установка) – в этот момент нравственные «порывы» ребёнка разворачиваются в извращённых обстоятельствах и в нём складывается психо-социальная модель взаимодействия между людьми по сценарию драматического треугольника Карпмана.

Систематически повторяясь, подобного рода ситуации формируют в подрастающем ребёнке устойчивую отрицательную концепцию восприятия себя, убеждённости в своей виноватости, сопровождаемую смысловой установкой на самоуничтожение по поводу и без повода, «посыпание главы пеплом» и поиск самого строгого на-

казания для себя, забыв об объективности и справедливости по отношению к самому себе. Желание поскорее искупить свою вину страданием через наказание становится личностным смыслом человека, в котором страдание является результатом реализации целевой установки, а наказание – результатом реализации операциональной установки. Это слияние всех трёх уровней установок приводит к тому, что человек неизбежно находит возможность искупить свою вину либо напрямую через аутоагрессию, либо через виктимное поведение, смысл которого заключается в том, чтобы через гетероагрессию неосознанно спровоцировать другого человека каким-либо способом причинить «виновнику» вред и возможность для страдания. И тогда с человеком «без видимых причин» происходят различные неприятности, вплоть до трагического исхода.

Американские исследователи Л. Коннор, Д. Берри, Д. Вайс и др. [21] выделили четыре типа иррациональной вины: вина выжившего, вина отделения, вина всеобщей гиперответственности и вина ненависти к себе. Дадим краткое описание каждому из них, поскольку все они раскрывают ту или иную сторону санкционной вины. *Вина выжившего* базируется на мнении её «носителя» о том, что достижение им успеха поставит в неловкое положение или оскорбит других. Это мнение берёт начало в представлении о том, что количество благ ограничено, а значит, носитель имеет что-то хорошее за счёт других. *Вина отделения* характеризуется патогенным представлением человека о том, что он не имеет права на своё мировоззрение и образ жизни, отличный от образа жизни близких – это

означает для него предавать их и тем самым причинять им боль. *Вина гиперответственности* предполагает взятие на себя ответственности за других людей и заботы об их благополучии. И, наконец, *вина ненависти к себе* – это отрицательная концепция восприятия себя, общее чувство негодности. Она продиктована стремлением человека сохранить связь со значимыми людьми, разделяя их отрицательное отношение к нему. Все эти типы вины автор относит к межличностной вине.

Теперь, опираясь на рисунок 1, рассмотрим сценарий формирования адаптивной формы вины – реституционной вины. Испытывая «тревогу совести», ребёнок чувствует, что произошедшее важно для значимого взрослого и у него формируется внутреннее побуждение «исправиться»: компенсировать причинённый ущерб и впредь соблюдать общественные нормы, не нарушать запретов значимого взрослого, сохранять тем самым добрые отношения с ним. Очевидно, что такое возможно только в том случае, если ребёнку есть что терять в плане эмоциональной доступности и психологического принятия его со стороны значимого взрослого.

Но как бы ребёнок ни старался, он всё равно будет попадать в разные «конфузные» ситуации в силу своего малого социального опыта. И эти ситуации являются в полной мере педагогическими ситуациями, как для развития его нравственности, так и для его воспитателя, задача которого – пользуясь предоставленным случаем, каждый раз, сохраняя эмоциональное спокойствие, призывать ребёнка к ответственности, учить его разным способам исправления ситуации.

Многokrатно закреплённая в поведении презумпция ответственности постепенно формирует в подрастающем ребёнке этические переживания и моральное чувство по поводу своих промахов, что указывает на становление его нравственности. Этот человек живёт по совести, а не в страхе, проявляя высокую нравственную культуру. Жить по совести – это и есть смысловая установка человека с высоким уровнем морально-нравственного развития. Так, М. С. Тарамова справедливо отмечает в своей статье о совести как об этической категории, о том, что совесть контролирует поведение человека посредством высших правил и законов морали, позволяя ему даже в сложных ситуациях сохранять своё достоинство и честь [14]. Очевидно, что данная регуляция поведения человека осуществляется именно посредством реституционной вины, о которой писали в своих работах сначала П. Тангней [22], а затем и Ф. Баумейстер [18].

Таким образом, эгоистическая презумпция невиновности, а также санкционная вина, основанная на презумпции виновности, формируются под влиянием излишней и преждевременной строгости родителей к детям, при которой с детей «спрашивается» раньше, чем в них что-то было «вложено». Имеет также значение пренебрежительное отношение родителей к ребёнку, которое выражается в требовании точного и беспрекословного выполнения их указаний без учёта личностного отношения ребёнка к ним. С сожалением приходится констатировать, что родители и общество взаимодействуют с ребёнком по принципу: «Думай – что хочешь, а делай – что надо». В результате этого у человека формируются

лицемерная модель поведения и такое качество, как цинизм. Выражением цинизма является политика двойных стандартов, при которой, согласно Й. Геббельсу, «преступления прячутся за фасадом приличия» [цит. по: 7, с. 32]. Сущность лицемерия, по мнению В. Н. Мясищева, заключается в том, что «внешняя форма взаимодействия не отвечает внутреннему содержанию отношений» [11, с. 9].

Родителей, которые не взяли на себя моральную ответственность за нравственное воспитание своих детей, из которых потом вырастают бессовестные эгоисты и невротичные лицемеры, А. С. Макаренко в своей «Книге для родителей» называет бракоделами. Он отмечает, что при обнаружении своих педагогических промахов такие родители, испытывая «тихонькое огорчение», «печально шепчутся в спальне, но на людях сохраняют достоинство, как будто в их производстве нет никакого прорыва ... плоды сдаются обществу как готовая продукция» [10, с. 4]. Это описание поведения родителей есть не что иное, как стыд за результаты своего родительства, который при всей своей силе воздействия на психику стыдящегося не побуждает его к исправлению ситуации.

К сожалению, родители в своём воспитательном воздействии на детей действуют так, словно не знают, что для морального формирования личности недостаточно внешних требований – ребёнку необходимо знать и видеть перед собой образцы нравственного поведения, чтобы он мог сличать с ними своё собственное поведение и делать соответствующие выводы. Только в этом случае у ребёнка формируется здоровая критика к себе и смысловая

установка на уважительную требовательность к себе и к другим, основанная на уважительной требовательности значимого взрослого к нему.

Если же значимые взрослые на собственном примере несправедливого отношения к ребёнку научили его манипулятивно обижаться и «изворачиваться» раньше, чем научили его ответственности, основанной на внутренней потребности в справедливости, то формирование нравственной личности ребёнка в дальнейшем будет весьма затруднительным и повлечёт за собой далеко идущие социально-психологические последствия. Таким образом, дезадаптивность санкционной вины определяется тем, что в её структуре отсутствует элемент эмпатии, характерный для реституционной вины. В этом есть суть «дефектных» отношений, ведущих к отклонениям в формировании нравственно и психологически здоровой личности. Так, в отсутствии эмпатии у ребёнка не формируется целевая установка на поиск решения – вместо неё реализуется целевая установка на поиск виноватого с целью его последующего наказания – вменения ему санкций.

Таким образом, роль вины в регулировании межличностных, в том числе и детско-родительских отношений, неоднозначная. Родителям, воспитывающих своих детей, следует различать санкционную вину и реституционную вину по своей сути и по своему влиянию на характер детско-родительских отношений и на формирующийся характер самого ребёнка. Именно реституционная вина играет положительную роль в установлении и укреплении контактов, поэтому, реализуя морально-нравственное воспитание ребёнка,

важно воспитывать в нём моральное чувство вины, а не формировать комплекс вины.

Заключение

Итак, критический анализ публикаций по теме вины показал слабость методологической разработанности данного проблемного поля, несмотря на то (или именно поэтому), что данная тема является междисциплинарной. Так, рассмотрение феномена вины с позиции философии как социокультурного регулятива привело нас к разработке модели развития нравственного сознания личности.

Взгляд на феномен вины в ракурсе психологической науки позволил нам, оперевшись на имеющиеся научные знания, разработать эмоционально-установочную модель вины, согласно которой вина как сложный психологический феномен, регулирующий социальное поведение лично-

сти, представляет собой совокупность эмоциональных переживаний, сопровождаемых иерархией смысловых, целевых и операциональных установок личности.

Рассмотрение феномена вины с позиции педагогики позволило «отследить» процесс и механизм формирования вины как эмоционального отношения к окружающему миру и к себе самому: презумпции собственной виновности как результата реализации санкционной вины и презумпции собственной ответственности как результата реализации реституционной вины.

Таким образом, разработанная нами эмоционально-установочная модель вины является приращением научного знания, дающим ответ на вопрос о взаимосвязи установок и эмоциональной регуляции поведения личности.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания: методологически проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2012. 480 с.
2. Башкатов С. А. Анализ отечественных диссертационных исследований, посвящённых психологическому феномену установки // Психология, психофизиология. 2021. Т. 14. № 2. С. 5–16. DOI: 10.14529/jpps210201.
3. Белик И. А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 209 с.
4. Боуш Г. Д. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). М.: Инфра-М, 2022. 227 с.
5. Горбатовская Ю. В. Модель нравственного развития сознания личности // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. № 2. С. 192–197. DOI: 10.18384/2310-7235-2023-1-59-7.
6. Девяткин А. А. Явление социальной установки в психологии XX века: монография. Калининград: Калининградский университет, 1999. 309 с.
7. Ильин Е. П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб.: Питер, 2017. 175 с.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Смысл, 2005. 346 с.
9. Леонтьев А. Н. Заметки к диссертации А. Г. Асмолова «О месте установки в структуре деятельности» // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. Т. 46. № 2. С. 208–214. DOI:10.11621/LPJ-23-24.
10. Макаренко А. С. Книга для родителей. М.: АСТ, 2023. 512 с.

11. Мясичев В. Н. Психология отношений. Избранные психологические труды. 4-е изд. М.: Московский психолого-социальный университет, 2011. 356 с.
12. Порсугян Р. Л. Страх и совесть как проявление нравственной культуры личности // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 2 (36). С. 99–101.
13. Стекланникова С. В. Совесть как социокультурный регулятив: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 23 с.
14. Тарамова М. С. О феномене совести как этической категории // Общество: философия, история, культура. 2019. № 5 (61). С. 29–31.
15. Фрейд З. Психология бессознательного. СПб.: Питер, 2022. 415 с.
16. Фромм Э. Человек для себя: исследование психологических проблем этики. М.: АСТ, 2023. 220 с.
17. Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
18. Baumeister R. F., Stillwell A. M., Heatherton T. F. Personal narratives about guilt: Role in action control and interpersonal relationships // Basic & Applied Social Psychology. 1995. Iss. 7. Vol. 1–2. P. 173–198.
19. MacKenna D. Violation of prohibitions. Explorations in personality. New York: Oxford University Press, 1938. 790 p.
20. Mowrer O. H. Learning theory and behavior. New York: John Wiley, 1960. 318 p.
21. O'Connor L. E., Berry J. W. Interpersonal Guilt: the Development of New Measure // Journal of Clinical Psychology. 1997. Vol. 53 (1). P. 73–89.
22. Tangney J. P., Dearing R. L. Shame and Guilt. New York: Guilford Press, 2003. 272 p.
23. Vangelisti A. L., Daly J. A., Rudnick J. R. Making people feel, guilty in conversations: Techniques and correlates // Human Communication Research. 1991. № 18. P. 3–39.

REFERENCES

1. Asmolov A. G. *Po tu storonu soznaniya: metodologicheski problemy neklassicheskoy psikhologii* [Beyond consciousness: methodological problems of non-classical psychology]. Moscow, Smysl Publ., 2012. 480 p.
2. Bashkatov S. A. [Analysis of domestic dissertation research devoted to the psychological phenomenon of attitude]. In: *Psikhologiya, psihofiziologiya* [Psychology, psychophysiology], 2021, vol. 14, no. 2, pp. 5–16. DOI: 10.14529/jpps210201.
3. Belik I. A. *Chuvstvo viny v svyazi s osobennostyami razvitiya lichnosti: dis. ... kand. psihol. nauk* [Feelings of guilt in connection with the characteristics of personality development: Cand. Sci. thesis in Psychology]. St. Petersburg, 2006. 209 p.
4. Boush G. D. *Metodologiya nauchnogo issledovaniya (v kandidatskih i doktorskih dissertatsiyah)* [Methodology of scientific research (in candidate and doctoral dissertations)]. Moscow, Infra-M Publ., 2022. 227 p.
5. Gorbatsovskaya Yu. V. [Model of moral development of personality consciousness]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [News of Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2023, vol. 23, no. 2, pp. 192–197. DOI: 10.18384/2310-7235-2023-1-59-7.
6. Devyatkin A. A. *Yavlenie social'noy ustanovki v psikhologii XIX veka* [The phenomenon of social attitudes in the psychology of the twentieth century]. Kaliningrad, Kaliningrad University Publ., 1999. 309 p.
7. Ilin E. P. *Psikhologiya sovesti: vina, styd, raskayanie*. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. 175 p.
8. Leontev A. N. *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, consciousness, personality]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 346 p.

9. Leontev A. N. [Notes on the dissertation of A. G. Asmolov "On the place of installation in the structure of activity"]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 2023, vol. 46, no. 2, pp. 208–214. DOI: 10.11621/LPJ-23-24.
10. Makarenko A. S. *Kniga dlya roditel'ev* [A book for parents]. Moscow, AST Publ., 2023. 512 p.
11. Myasishchev V. N. *Psihologiya otnoshenij. Izbrannye psihologicheskie trudy* [Psychology of relationships. Selected psychological works]. Moscow, Moscow Psychological and Social University Publ., 2011. 356 p.
12. Porsugyan R. L. [Fear and conscience as a manifestation of a person's moral culture]. In: *Kulturnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2010, no. 2 (36), pp. 99–101.
13. Steklyannikova S. V. *Sovest' kak sociokul'turnyj regul'yativ: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Conscience as a sociocultural regulator: abstract of Cand. Sci. thesis in Psychology]. Rostov-on-Don, 2001. 23 p.
14. Taramova M. S. [On the phenomenon of conscience as an ethical category]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2019, no. 5 (61), pp. 29–31.
15. Freud Z. Psychology of the unconscious (Rus. ed., transl. *Psihologiya bessoznatel'nogo*). St. Petersburg, Piter Publ., 2022. 415 p.).
16. Fromm E. Man for himself: a study of psychological problems of ethics (Rus. ed., transl. *Chelovek dlya sebya: issledovanie psihologicheskikh problem etiki*). Moscow, AST Publ., 2023. 220 p.).
17. Yadov V. A. *Samoregulyaciya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya lichnosti: dispozicionnaya koncepciya* [Self-regulation and prediction of social behavior of an individual: a dispositional concept]. Moscow, CSPiM Publ., 2013. 376 p.
18. Baumeister R. F., Stillwell A. M., Heatherton T. F. Personal narratives about guilt: Role in action control and interpersonal relationships. In: *Basic & Applied Social Psychology*, 1995, iss. 7, vol. 1–2, pp. 173–198.
19. MacKennan D. Violation of prohibitions. Explorations in personality. New York, Oxford University Press, 1938. 790 p.
20. Mowrer O. H. Learning theory and behavior. New York, John Wiley Publ., 1960. 318 p.
21. O'Connor L. E., Berry J. W. Interpersonal Guilt: the Development of New Measure. In: *Journal of Clinical Psychology*, 1997, vol. 53 (1), pp. 73–89.
22. Tangney J. P., Dearing R. L. Shame and Guilt. New York, Guilford Press, 2003. 272 p.
23. Vangelisti A. L., Daly J. A., Rudnick J. R. Making people feel, guilty in conversations: Techniques and correlates. In: *Human Communication Research*, 1991, no. 18, pp. 3–39.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбатовская Юлия Викторовна – руководитель, педагог-психолог Центра психологической и логопедической помощи «Гармония»;

e-mail: gorbatovskaya_y@garmony-spb.ru; ORCID: 0000-0003-3085-3859

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia. V. Gorbatovskaya – "Harmony" Center of Psychological Assistance and Speech Therapy; head, teacher-psychologist;

e-mail: gorbatovskaya_y@garmony-spb.ru; ORCID: 0000-0003-3085-3859

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горбатовская Ю. В. Эмоционально-установочная модель вины и её структурно-содержательное наполнение и социальное проявление // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2024. № 1. С. 70–86.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-70-86

FOR CITATION

Gorbatovskaya Yu. V. Emotional and attitudinal model of guilt and its structural and content content and social manifestation. In: *Bulletin of State University of Education. Series: Psychological Sciences*, 2024, no. 1, pp. 70–86.
DOI: 10.18384/2949-5105-2024-1-70-86